

САША
ГОРСКАЯ

ИЗМЕНА ПРЕДАТЕЛИ ВНЕ ИГРЫ

Саяна Горская

Измена. Предатели вне игры

<https://litres.ru/71264218>

SelfPub; 2024

Аннотация

<p> Мне Мне очень больно. Вот здесь. Соня резко отстраняется. Кладёт ладонь на свою грудь в районе сердца. А ты только больней делаешь. Отпусти, пожалуйста. Я не могу. Лёш, я ведь так тебя люблю, что готова даже это простить.</p><p>Соня громко всхлипывает. Утыкается мокрым лицом в ладони.</p><p> Сонечка, я</p><p> Но я, Высоцкий, себя никогда не прошу, если так поступлю. Выдавливает она через слёзы. Я себя уважать перестану. Поэтому оставь меня, пожалуйста.</p><p>Отступаю.</p><p>Шаг между нами оборачивается расстоянием в тысячи километров. Соня совсем рядом, но слишком далеко.</p><p>Она будто уже не моя.</p>

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	20
Глава 5	25
Глава 6	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Саяна Горская

Измена. Предатели вне игры

Глава 1

Соня.

Автоматические двери распахиваются передо мной, и я покидаю спасительную прохладу аэропорта. В городе душно, летнее солнце нещадно палит.

Ставлю чемодан на колёсики и ищу своё такси. Сверяю номера одинаковых белых автомобилей, припаркованных в несколько рядов, с госномером в приложении.

Нахожу!

— Здравствуйте! А можно мне багажник открыть?

Водитель раздражённо дёргает щекой, нажимает на кнопку, и багажник открывается сам. Водитель на помощь мне не торопится — не хочется ему, видимо, покидать охлаждённый кондиционером салон.

Я его понимаю и даже не злюсь за такое нерадушное отношение. Сегодня моё настроение ничто не испортит!

Пока едем, лезу в браузер. Нахожу запись эфира со вчерашнего волейбольного матча.

Полуфинал. Напряжённая игра. Парни сконцентрированы и собраны.

И все они хороши, но мой Лёшка — звезда! Капитан. Он на поле выделяется среди остальных, ну или это мне, влюблённой по уши женщине, так кажется.

Трибуны визжат и взрываются дружными овациями, когда Лёшка забивает контрольный чистой укороченной подачей. Я этот момент пересматриваю на повторе уже раз на двадцатый, а сердце всё не перестаёт радостно трепетать от гордости.

Перематываю видео на середину, смотрю снова. Достаяю из сумочки косметичку и привожу в порядок лицо после утомительного перелёта. Жаль, конечно, что у меня нет времени сейчас на более тщательную подготовку, но лучше уж так, чем никак.

Водитель останавливается у отеля, барабанит нетерпеливо по рулю, пока я собираю с сидения косметику, которую разбросала.

— Хорошего вам дня!

— И вам. — Буркает без энтузиазма водитель.

Едва я успеваю забрать свой чемодан, машина стартует с места, обдавая меня вонючим облаком выхлопных газов.

Поднимаю голову, взглядом оценивая масштабы отеля.

Высоченный! Красивый!

На ресепшене меня уже встречает Александр Александрович, или дядя Саша — старинный друг нашей семьи, а ещё главная причина, по которой я сейчас замужем за волейболистом. Он Лёшкин тренер, и для всей команды скорее второй отец, нежели просто наставник.

Дядь Саша — уже седеющий, но крепкий и широкий в плечах мужчина, неизменно в чёрно-оранжевом спортивном костюме с эмблемой своей команды и доброжелательной улыбкой на лице.

— Сонечка, здравствуй! — Сгребает он меня в медвежьи объятия и звонко чмокает в щёку. — Ну как добралась?

— Хорошо! Поздравляю вас, дядь Саш, с выходом в финал. Я не сомневалась, что у вас получится!

— Всё Лёшка твой! — Дядь Саша легко подхватывает мой чемодан и идёт с ним к лифтам. — Мальчишки-то все спят ещё. Вчера полночи гудели!

Мальчишки — звучит очень трогательно, учитывая, что все «мальчишки» в команде — бородатые, татуированные дяденьки под два метра ростом. Почти все семейные, у кого-то уже дети есть.

А гудели они, отмечая победу и Лёшкин день рождения. Я потому и прилетела сюда сюрпризом. Как же — тридцать пять и вдали от семьи?

— Торт доставили?

— Всё доставили, Сонечка.

— А свечи!? — Обхватываю свои щёки ладонями. — Све-

чи забыли!

— Не забыли, всё мы купили, девочка! Да и вообще, главный его подарок сегодня — ты!

Улыбаюсь, краснея.

Это приятно, да. Но у меня для Лёши подарок особенный... Он его хотел и долго ждал. Да и я тоже.

В моей сумочке, в маленькой вытянутой коробочке, перевязанной скромной белой лентой, положительный тест на беременность.

О, чего мне стоило сохранять это в тайне целых два месяца! Но хотелось преподнести торжественно и как-то особенно. В виде подарка на день рождения, например.

Лифт останавливается на пятом этаже. Дядь Саша выходит первым и топает в самый конец коридора. Останавливается у двери с номером пятьсот.

— Всё, Соня, дальше сама. — Вкладывает мне в руку магнитную карточку от номера. — Тут полэтажа нашими занято. Если что, я в восьмом, дальше по коридору. Десять минуток вам даю, а потом поздравлять придём!

— Хорошо, спасибо!

Дядь Саша уходит, попутно барабанив во все двери с бодрым криком «Рота, подъем!».

Жду, пока он не исчезнет за дверьми своего номера.

У меня трясутся руки. Всё внутри переворачивается от волнения и радостного предвкушения. Я в своём воображении уже нарисовала себе счастливое Лёшкино лицо и пред-

ставила, как он кружит меня в объятиях по залитому солнечным светом номеру.

Прикладываю карточку к электронному замку. Он коротко щёлкает, открывая мне путь.

Захожу.

Номер просторный и светлый. В углу, у окна, большая двуспальная кровать, а на кровати — ой, мама! — два человека!

Резко разворачиваюсь и выбегаю наружу.

Господи, вломилась к посторонним людям! Позорище!

Но потом сознание достраивает то, что увидели глаза, и склеивает эти кусочки в целую картину: знак бесконечности на щиколотке у мужчины, такие знакомые и длинные пальцы, торчащие из-под одеяла. Запах. Запах Лёшкиных духов, которые я ему на Новый год подарила...

Открываю дверь снова. Тихо прохожу вперёд, поближе к кровати, чтобы разглядеть второе тело. Женское.

Красивое и загорелое.

Почти голое.

На девушке из одежды лишь Лёшкина льняная рубашка, моя любимая, в которой я по утрам хожу дома и готовлю нам завтраки.

Сердце ухает вниз. Болезненно сжимается и бьётся так громко, что я не слышу ничего, кроме этих пугающих ударов. В ушах шумит кровь, а перед глазами темнеет.

Что делать в таких ситуациях?

Кричать? Плакать? Убегать?

Почему никто ещё не написал инструкцию для женщин, заставших мужей за изменой?

Потому что я не могу отыскать в себе верной реакции.

Просто цепенею.

Не могу ни пошевелиться, ни нормально вдохнуть — в горле ком, который не пропускает воздух, и я захлёбываюсь в немых рыданиях, не в силах отвести взгляда от пары обнажённых тел.

— Сонь? — Открывает глаза Лёша, словно почувствовав на себе мой тяжёлый взгляд. Улыбается, как ни в чём не бывало. — Сонечка, ты откуда здесь?

— Господи, как ты мог?...

Глава 2

Соня.

Лёша продолжает строить из себя дурака. Выгибает вопросительно бровь, трёт глаза. На его лице отпечаток вчерашних празднований победы.

Хорошо погуляли, да?

— Сонь, а ты чего приехала?

Да я уже не знаю...

— На день рождения.

Вдох. Выдох.

Ещё вдох.

Давай, Сонь, вспоминай, как это делается!

— Ты же говорила, у тебя много работы? — Его голос удивительно спокоен. Потрясающее умение себя контролировать...

— Успела. Доделать. — Выталкиваю слова между короткими вздохами.

— А почему не сказала, что прилетишь?

— Да. Надо было сказать... Я не знала, что у тебя... такие планы.

Забавно, как мы оба игнорируем здорового слона в

комнате.

— Сонь, ты бледная. Иди ко мне. — Ровно произносит он. Хлопает по постели рядом. — Давай. Что случилось? Кто обидел мою малышку?

Я стараюсь отфильтровать эмоции. Не даю пробиться отчаянию и боли, а действую, как раненое животное, — на инстинктах. Надеюсь лишь на то, что это поможет мне не расплакаться сейчас. Что может быть унижительней, чем плакать у постели мужа, в которой он любил другую женщину?

Все мои надежды, мои планы на будущее, мои мечты о большой крепкой семье идут лесом.

Одним бессмысленным трахом Лёша разрушил то, что мы кропотливо строили несколько лет.

А может, это не первый раз? Может, я такая набитая дура, что из-за розовых очков не замечала раньше его походов налево?

К горлу подкатывает тошнота. Хочется согнуться пополам от боли, словно мне дали под дых.

— Высоцкий, ты, может, хотя бы познакомишь нас? — Киваю на спящую девицу.

Лёша медленно поворачивает голову назад. Вздрагивает, когда напарывается взглядом на неё. Снова поворачивается ко мне с выражением ужаса на лице.

Пару секунд просто открывает и закрывает рот, как рыба, выброшенная на сушу.

— Сонь, я сейчас всё объясню!

— Давай, Высоцкий, объясняй. Придётся поднапрячься, задачка не из лёгких.

— Сонь, я... — Он рывком садится на постели. Массирует виски. — Я ни хрена не помню из вчерашнего, но я тебе не изменял!

— Не помнишь или не изменял?

— Такое трудно забыть!

— Но остальное забыл?!

Он в замешательстве оглядывается по сторонам, словно ждёт откуда-то подсказки.

Я очень хочу, чтобы он сказал мне сейчас, что уверен. Что это какая-то ошибка, и девица просто перепутала номера. Но нужно быть последней душой, чтобы в такое поверить!

Из коридора доносится нестройный хор голосов.

— С днём рождения, кэп! С днём рождения, кэп! — Целая волейбольная команда вваливается дружной гурьбой в Лешин номер.

Можно ли оказаться в ситуации ужасней, чем эта?

Публичное унижение, супер!

— С днём рождения, кэ-а-о... — Голоса парней затухают, превращаясь в кашу из возгласов и вздохов лёгкого шока.

Все резко замолкают. Для полной неловкости не достаёт лишь стрекота сверчков.

За моей спиной четырнадцать мужчин, которые с неверием таращат глаза на своего капитана и какую-то девку в его постели. А я, его законная жена, стою как статуя среди но-

мера и не знаю, куда себе приткнуться.

Здесь сейчас слишком много людей, но я чувствую такое одиночество, будто в целом мире не осталось никого, кроме меня.

Обнимаю себя за плечи руками, чтобы почувствовать хоть какое-то тепло. Задираю подбородок повыше и часто хлопаю ресницами, пытаюсь сморгнуть подступающие слёзы.

Но в глазах горячо и влажно.

Я резко разворачиваюсь, чтобы сбежать. Налетаю на Романа, у которого в руках большой двухъярусный торт с горящими свечками.

Роман теряет равновесие, торт накреняется вбок и медленно скатывается на пол, эпично разлетаясь брызгами крема по стенам.

Выбегаю из номера.

— Стой! — кричит вдогонку Лёша. — Соня, стой!

Почти на автопилоте мчусь к лифтам. Истерично жму кнопку.

Двери открываются.

Забегаю внутрь.

— Соня! — Лёша появляется перед закрывающимися створками.

Слишком поздно.

— Я подаю на развод, Лёш.

Лифт везёт меня вниз. Прямоком в ад.

Глава 3

Лёша.

В афиге наблюдаю за тем, как лифт увозит мою жену.

Кидаюсь к выходу на лестницу.

Надо бежать, Соню останавливать. Только что ей говорить и как оправдываться — не знаю.

У меня башка трещит после вчерашнего.

Соня здесь, в городе, приехала сюрпризом...

А в моей постели, блин, девка!

Как это могло выйти? И как я мог до такого невменоза напиться? Не тяготею я к бухлу, свою меру знаю.

А тут...

Может, я не в той реальности вышел? Проспал свою остановку в пьяных трипах и открыл глаза в какой-то параллельной вселенной, где Высоцкий — не король жизни, а лох конченный?

Ещё вчера целый зал скандировал с трибун моё имя, а сегодня жена бросает мне в лицо «я подаю на развод!».

Правильно Саныч говорит, что алкоголь — зло. Ничего хорошего после него, только больная голова, а в моем случае ещё и сломанная жизнь.

Выбегаю в фойе. Гости отеля смотрят на меня с удивлением, но плевать. Всё потом.

Соню я догоняю у такси.

— Давай поговорим! — Давлю на дверь авто, и та захлопывается у Сони перед носом.

Соня вздрагивает. Оборачивается, оказываясь ко мне вплотную.

— Лёш, пожалуйста... Отпусти меня. — А во взгляде столько всего намешано, что меня прибивает к асфальту этим тяжёлым коктейлем её эмоций.

— Малышка моя, ну как я могу тебя отпустить? — Перехватываю ладонями её лицо. Целую в нос, лоб, щёки. Везде, куда дотягиваюсь.

Нахожу её губы. Врываюсь в тёплый рот и углубляю поцелуй, делая его почти болезненным. Соня позволяет мне это, но остаётся безучастна.

Чувствую, как мои губы становятся влажными и солёными.

Пальцами вытираю с её щёк слёзы. И меня корёжит от того, что я своей девочке столько боли причинил.

— Лёша, ты скажи мне честно: ты с ней спал, да?

Я молчу.

Я очень хочу сказать ей, что нет. Но я ни-хе-ра из вчерашнего вечера не помню. Как будто вырезали из памяти кусок, а вместо него вставили рябь помех.

Я просто верю, что не спал ни с кем. Ведь мужчине для

измены мало смазливой мордашки и соблазнительного тела. Ему реальное намерение нужно, а во мне таких намерений не водилось с тех пор, как я Соню встретил.

Но моя железобетонная вера в себя — не доказательство. И вообще звучит как сраная отмазка типичного изменщика, потому что есть факты, с которыми сложно спорить.

Самый важный факт. Голый и очень красноречивый.

— Лёш?

— Я не могу. Не знаю я, что тебе сказать, Сонь. Не понимаю, как это могло получиться. Я нажрался... Себя не контролировал.

— Мне... Мне очень больно. Вот здесь. — Соня резко отстраняется. Кладёт ладонь на свою грудь в районе сердца. — А ты только больней делаешь. Отпусти, пожалуйста. Я не могу. Лёш, я ведь так тебя люблю, что готова даже это простить.

Соня громко всхлипывает. Утыкается мокрым лицом в ладони.

— Сонечка, я...

— Но я, Высоцкий, себя никогда не прощу, если так поступлю. — Выдавливает она через слёзы. — Я себя уважать перестану. Поэтому оставь меня, пожалуйста.

На её лице боль.

И это сделал я.

Я урод, да, и в голове пока не укладывается, как это могло произойти.

Соню отпускать не хочу, но разве я имею право сейчас что-то требовать?

Отступаю.

Шаг между нами оборачивается расстоянием в тысячи километров. Соня совсем рядом, но слишком далеко.

Она будто уже не моя.

Воспользовавшись моей заминкой, Соня юркает в машину на заднее. Поднимает поспешно окно, скрываясь за плотной тонировкой.

Пересекаемся прощальными взглядами.

Такси отчаливает.

Смотрю, как моя жена снова ускользает...

— Высоцкий, ты обалдел!?! — Саныч хлопает меня по спине. Кожу прижигает, и это действует отрезвляюще. — Ты что здесь делаешь?

— Мне надо Соньку догнать.

— Не надо, Лёша. Она сейчас взвинчена, на эмоциях. Да и ты... — Саныч выразительным взглядом задерживается на моих боксерах — единственном предмете одежды на мне сейчас. — Короче, Высоцкий, осади. В номер марш, будем разбираться. Не хватало ещё, чтобы тебя пресса в таком виде застала. А Соньке я сейчас позвоню, сам с ней поговорю.

В номере сюр. Цирк, блин, с конями. Голая девица на постели кокетливо прикрывает пышную грудь краем одеяла. Пацаны источают тестостерон и уже отъехали от открывающихся видов.

— Разошлись! — Даёт команду Саныч, заходя в номер. Зыркает строго на девчонку. — Барышня, будьте так любезны...

Девчонка понимающе подмигивает и, обмотавшись простыней, убегает в душ.

— Что устроили?! Тут вам не бордель! — Спускает на мужиков полкана Саныч.

— Правда? — Щурится, сверля меня недобрым взглядом, Малина. — А чё тогда Высоцкий ведёт себя так, будто бордель? Девок водит. Моральный дух команды подрывает.

Меня в секунду выключает из адекватата, будто дёрнули рубильник.

Я бросаюсь на Малину, припираю его к стене и трясу за футболку. Меня колотит от злости и ярости.

— Это ты, ушлёпок, подстроил, да?! Ты под меня девку подложил?!

— Высоцкий, катись нахер! Мне нет дела до того, в кого ты свой член пихаешь!

— Разошлись! — Оттаскивает меня за шкирку Саныч. — Алексей, тебя сегодня кто укусил?!

— Думаешь, я не знаю, что ты на неё ещё со школы облизываешься? — Тычу Малину в грудак. — Думаешь, не вижу, как до сих пор на мою жену залипаешь?

— Бред! Иди проспись, кэп!

Саныч оттесняет меня плечом в сторону, усаживает в кресло, машет мужикам рукой, чтобы Малину скорей уво-

дили.

Это к лучшему. Я реально дикий, не в себе.

В номере становится тихо.

Возле двери брошенный чемодан Сони. Торт по всему ковру...

Красивый, кажется, был торт. По-любому Сонечка выбирала, у неё вкус отличный. Мужикам бы точно тям не хватило двухъярусный торт заказать.

— Лёх, я тебя в последнее время не узнаю. — Начинает Саныч по-отцовски. — Ты что учудил? Нажрался в сопли, девку притащил, Соню обидел.

Ой, мля, только не надо щас все мои грехи перечислять, я и без того понимаю, что мне инкриминируют.

— Саныч, я вас уважаю, как родного отца, и вы это знаете. Но сейчас не надо лечить меня, а. Я без понятия, как это всё произошло. Тошно.

— А это хорошо, что тошно! Значит, совесть не дремлет!
— Назидательно оттопыривает указательный палец Саныч.
— Ничего, Лёша, ничего! Сейчас выйдет эта...разлучница, и устроим ей допрос. Раз уж ты ничего не помнишь, вся надежда на неё.

Глава 4

Лёша.

Мои джинсы под кроватью, футболка свисает с туалетного столика у окна. Один носок я так и не нашёл. Страшно представить, как я вчера раздевался или кто меня раздевал.

Из открытого окна доносится шум большого города: смех людей, короткие гудки автомобилей, музыка из магазинчика напротив. И все эти звуки сливаются для меня сейчас в траурный марш по моему счастливому браку.

Удивительно, как хрупки вещи, которые на первый взгляд кажутся фундаментальными и непробиваемыми.

Вот была у меня вчера Соня, любовь, семья. Перспектива красиво зафиналить карьеру маячила на горизонте аппетитной вишенкой на горке взбитых сливок. Сегодня ничего у меня уже нет, и перспективы мне нахрен не сдались, потому что без Соньки всё пустое.

Косточки, а не вишенки.

— Давай, вспоминай, Лёшка: что? Где? Когда? Какого хера? — Наседает на меня Саньч, расхаживая по комнате со сложенными за спиной руками, словно строгий дознаватель.

Хватаюсь за голову, пытаюсь воспроизвести вчерашний

вечер, восстановить его по кусочкам. Впиваюсь пальцами в череп, надеясь, что «массаж мозга» поднимет со дна памяти утраченные фрагменты.

Но массаж тут бессилён. Поможет разве что лоботомия.

Мы были на кураже. Победа дала нам билет в финал, а там, если разбомбим главных соперников — уральских «Соколов», то выйдем на чемпионат Европы. И это, конечно, уже совсем другие масштабы. Поэтому неудивительно, что от эйфории снесло башку всем, даже мне.

Плюс день рождения этот чёртов...

Перед глазами мелькают обрывки вчерашнего вечера: бар, текила, ром, ржач мужиков, бесконечный просмотр матча на репите. И никаких женщин рядом с собой я не помню.

А потом темнота. Меня словно выключили на середине.

— Ну, Высоцкий, вспомнил?

— Нет.

— Херовенько. Что Соне говорить будешь?

— Саныч, а что если... — Тяжело сглатываю. Осознание и принятие возможного факта только сейчас медленно доходит до меня. — А что если я реально изменил?

— Ты мне эти мысли брось! — Сотрясает кулаком в воздухе Саныч, пугая, конечно, не меня, а мысли. — Ты порядочный мужик! Верный! Соньке предан.

— Но мужик же. У нас же в ДНК вшито трахать всё, что движется. А что не движется — двигать и трахать.

— И ты такой?

— Думал, что нет. Но факты. — Рассеянно развожу руками. — Ёма, Саныч, что делать-то? Если я из-за этого дерьма Соньку потеряю...

— Не потеряешь. Соня наверняка уже в аэропорту, покупает билеты домой. Мы вернёмся сегодня, помчишься к ней. Будешь умолять на коленях простить тебя, мудака такого. И всю оставшуюся жизнь будешь смотреть на Сонечку так, словно она — единственная и неповторимая.

— Так и есть.

— У тебя неделя на то, чтобы все семейные проблемы утрясти. К финалу ты мне нужен огурчиком, усёк?

— Усёк.

«Разлучница» выпархивает из душа в белом вафельном халате и с влажными волосами.

Смотрю на неё как на женщину и не могу понять, что привлекло-то?

Вообще не мой типаж.

Мне вот как Сонька нравятся: светленькие, тонкие, хрупкие, с огромными чистыми глазами. А эта дама с претензией, тяжёлым бюстом и вульгарно перекачанными губами.

Она ходит по номеру, собирая свою одежду.

— Как тебя зовут хоть?

— Лера.

— Лера, а ты как здесь оказалась?

— Не помнишь?

— Нет.

— И то, что ночью было, не помнишь?

— Нет.

— Мм... — Лера подходит совсем близко, лезет рукой за мою спину. — Очень обидно! Меня обычно не забывают.

Выдёргивает из-под меня ярко-розовые кружевные стринги. Призывно кусает пухлую нижнюю губу.

— Барышня, присядьте на минуту. — Просит Саныч, указывая в соседнее кресло.

Лера, не стесняясь, натягивает стринги под нашими охреневающими взглядами.

— Пытаетесь восстановить вечер? — Она заваливается в кресло и закидывает ногу на ногу. — Я помогу. Спрашивайте.

— Где мы встретились? — Начинаю я.

— В баре.

— Я сам подошёл к тебе?

— О, нет, ты такой стесняшка! Ты только смотрел на меня весь вечер и пожирал взглядом. Знаю я вас таких... Делаете вид, что просто так. Ждёте от женщины инициативы. Я первая подошла, но на продолжении ты сам настоял. Не понимаю, как можно было всё забыть?

— Я пригласил тебя в номер?

— Ты очень убедительно уверял меня в том, что плохо спишь в одиночестве! — Лера хлопает густыми искусственными ресницами. — Мы пришли, стали целоваться, раздеваться. Потом ты схватил меня за бедра и наса...

— Стоп. — Поднимаю руку, останавливая поток слов. Чувствую, сейчас наш разговор скатится в порнуху. — Значит, у нас было?

— Было. Ещё как было!

Закрываю глаза руками. Растираю, будто картинка от этого изменится.

Я не знаю, как докатился до этого и что стало причиной того, что я решил заняться сексом с другой женщиной.

Кто я после этого?

Ты просто олень, Высоцкий! Конченный мудила. — Подсказывает внутренний голос, и мне даже не хочется с ним спорить.

Не знаю, что делать и как это исправить. Знаю лишь одно — я должен вернуть жену. Должен сделать так, как сказал Саныч, — уверить её в том, что она для меня единственная и неповторимая. Должен доказать свою любовь и, чёрт возьми, убедить в том, что одна ошибка не может повлиять на наши отношения.

Ведь многие пары переживают как-то измену, да? Живут себе дальше, дают партнеру шанс на искупление.

Хочется верить, что я этот шанс тоже заслужил.

Вопрос лишь в том, поверит ли мне теперь Соня...

Глава 5

Соня.

— Куда едем-то, расскажете? — Улыбается мне водитель.

— А, да... В аэропорт, пожалуйста.

Достаю из сумочки телефон и отключаю, чтобы не травить себе душу лишний раз, выжидая звонков с раскаяниями, извинениями и оправданиями.

Мне они нужны, как и любой другой женщине в такой ситуации. Но я боюсь, что это меня доломает и уничтожит. Что я брошусь тотчас же в Лёшкины объятия, лишь бы он уверил меня, что всё будет как раньше и жизнь наша не поменяется.

Я трусиха, да. Я боюсь всех этих перемен и неопределённостей, которые они несут. Мне нравится предсказуемость.

Неизвестность меня страшит, но теперь лишь она одна впереди.

— В аэропорт! — Нараспев тянет водитель. — Эх, не люблю я самолёты, эти бездушные железные птицы.

Он не смолкает. Тянет широкую улыбку и всю дорогу триндычит. У меня раскалывается от его болтовни голова.

Не понимаю, это какая-то компенсация? Почему у нас не может быть синхронизации с окружающими? Или что, по

моему зарёванному лицу недостаточно хорошо понятно, что мне не до пустого трёпа?

Через час стояния в пробках мы добираемся до аэропорта. Я ведь даже не забрала свой чемодан. Надеюсь, Лёша вернёт его мне, когда придёт собирать свои вещи.

Расплачиваюсь с водителем.

— Девушка, всё будет замечательно! Срастётся! Хорошего вам дня! — Весело салютует он на прощание ладонью.

— И вам! — Буркаю без энтузиазма.

Хороший день, ничего не скажешь. Куда уж лучше?!

Мой день идёт словно в обратной перемотке: такси, аэропорт, самолёт, такси, дом.

По инерции кошусь на телефон, жду сообщения и злюсь, что ничего нет...

Дурная, сама ведь отключила.

Возле квартиры я замираю. Вставляю ключ в замочную скважину, но не могу повернуть. Я не хочу туда входить, потому что там слишком много нас.

Меня и Лёшки.

Совместные фото в рамках, в основном с его соревнованиями. Я ведь самая преданная фанатка Высоцкого, самая ярая болельщица.

Наша постель, которая пахнет его телом, его духами и его хвойным гелем для душа. Но теперь этот запах ассоциируется у меня с чем-то грязным, острым, болезненным.

Там целый шкаф, забитый кубками и медалями, — всё

Лешкино, за победы.

Молодец, Высоцкий! Быть первым в спорте тебе оказалось мало, решил быть первым и в делах амурных?

Что ж...

Конкуренция — не то, что меня мотивирует на борьбу. Я себя не на помойке нашла, и прощать измену не стану.

Проворачиваю ключ. Вхожу.

С порога меня обдаёт привычным запахом нашего быта. Я вбираю его во всю мощь лёгких, и меня топит густым сиропом эмоций, которые я старалась удержать внутри.

Пытаюсь продышать подступающую истерику, но ощущение проваливающегося под ногами пола опережает всё иное. Скатываюсь по стене вниз и рыдаю в голос, зарывшись лицом в колени.

Кто виноват в случившемся?

Лёша, потому что ощутил вкус славы и богатства?

А может я, потому что позволила себе абсолютное доверие?

Но как иначе? Разве не принято в отношениях доверять? И что это за семья такая, в которой нужно всегда быть начеку?

Нет, мне такое неинтересно. Я на подобное не подписывалась и с предателем растить ребёнка не намерена!

Да, ребёнок... Совсем скоро у меня будет малыш, и Лёша имеет право знать о нём. Но сейчас во мне так много злости и боли, что я не хочу делиться этим секретом.

Он только мой пока. А дальше... Дальше будет видно.

Господи, ведь мне всё это придётся рассказать маме, отцу. Поговорить с родителями Лёшки. Свёкр и свекровь у меня замечательные, добрые, понимающие, и мне больно от того, что совсем скоро мы перестанем быть одной семьёй.

А ещё мне стыдно.

Отчего-то ужасно стыдно думать о том, как я скажу нашим родителям, что разводимся мы из-за измены. Словно это я притащила мужика в свою постель, а не стала жертвой. Но несмотря на то, что изменили мне, я чувствую ужасную неловкость и жгучий стыд.

Будто должна была удержать. Простить. Или заметить звоночки, которые указали бы на то, что я перестала быть интересна своему мужчине. На женщину ведь до сих пор скидывают всю ответственность за погоду в доме.

Но звоночков не было.

У нас хорошие отношения, хороший секс. По крайней мере, мне так казалось.

Утираю слёзы. Я больше не рыдаю, они просто скатываются по моим щекам крупными каплями.

У меня нет плана. Ни единой чёртовой идеи о том, как я буду жить дальше. И в беспросветную тьму уныния мне не даёт скатиться лишь одна мысль: изменщикам в моей жизни нет места.

Я справлюсь всем предателям назло.

Лёша ещё будет кусать локти.

Глава 6

Лёша.

Саныч объявляет сбор всей команды внизу, в фойе гостиницы.

К этому моменту Лера уже сматывается и даже оставляет номер телефона, записанный на салфетке, — на всякий случай.

Не знаю, что за «всякий случай» должен со мной приключиться, чтобы я этим недвусмысленным предложением воспользовался, но на автомате сгребаю салфетку в карман толстовки.

Я названиваю Соне, но она недоступна. Отправляю вдогонку с десятков сообщений о том, что мне очень жаль и я её люблю. Я понимаю, как глупо звучат сейчас мои оправдания и признания, но вообще ничего не делать не могу.

Спускаюсь вниз уже с собранной спортивной сумкой и Сонькиным чемоданом. На узком диванчике у окна только Коротыш — пьёт кофе и залипает в телефоне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.